

Жалко раненых. Им срочно необходимы операции. Погибших офицеров надо обязательно похоронить, но каждого у себя дома. Сколько еще держать оборону? Неизвестно».

— Все это знал майор милиции Владимир Ласточкин, который остался за командира сводного СОБРа, — продолжает свой рассказ Игорь Гудков. — 19 декабря мы приехали в Ханкалу, где встретились с генерал-майором, командующим группировкой внутренних войск. Он сказал нам, что на завтра намечена операция в Гудермесе. Мы упросили его взять нас с собой. Он понял наше состояние и согласился: «Вас уже ищут! Мы возьмем вас с собой, но я об этом не знаю». Мы вернулись в Грозный, показались на глаза полковнику Никитину. А потом БТР увез нас снова в Ханкалу. Вечером мы с Володей были уже в Гудермесе, где нас приютил в своей палатке начальник штаба батальона. В ту ночь мы не спали, вспоминали своих родных и чуть ли не попрощались друг с другом. Эмоциональное напряжение и стресс от собственных действий были огромными. Тут уже или пан, или пропал.

Утром началась атака, и мы пошли простыми бойцами в рядах атакующих. Те полтора-два километра передвигались в основном ползком, настолько боевики вели по нам плотный огонь. Когда добрались до рва у дороги, что в тридцати метрах от комендатуры, я крикнул: «Вова, последний рывок, и мы там!». Вдруг он перевернулся на спину, стал белым как полотно, сказал: «По-моему, меня зацепило». Он получил ранение в кисть левой руки, у него случился болевой шок, поскольку была задета кость. Это случилось около одиннадцати часов утра. Вколол ему промедол, спросил: «Как ты?». Он ответил: «Плохо, я еле держусь». Я забрал его оружие, говорю Володе: «Помогай мне тащить тебя, будем отползать». Около часа мы отпол-

зали назад. Рядом с незавершенной построшкой я прислонил его спиной к складированным бетонным плитам. Он стонал: «Больно, больно!». Здесь же два бойца стреляли из АГС-17 по боевикам. Я решил оглядеться, чуть отошел. Увидел еще БТР, антенну которого задел подкошенный выстрелом из гранатомета электрический столб. Вдруг боковым зрением увидел, что в нашу сторону что-то летит. Раздался взрыв, я потерял сознание. Снаряд от пушки БМП попал как раз между Владимиром и расчетом АГС. Солдаты погибли, Владимир получил множественные ранения груди, головы. Осколки впились даже в его автоматный магазин. Я остановил БМП-1, механик-водитель помог мне загрузить Володю и погибших солдат. В медицинской палатке батальона ему сразу поставили капельницу, я просил медиков: «Сделайте, чтобы он выжил». Вышел, сел, закурил. И только тогда понял, что тоже ранен. Осколками «порвало» левую сторону моего тела, меня перебинтовали. Дождались «вертушки», которая эвакуировала нас в аэропорт «Северный». Там по связи вышел на своих ребят, попросил прислать БТР за мной. Его тело я нашел в морге. 21 декабря мы улетали на Урал, вели с собой гроб с телом командира. Володя скончался 25 декабря 1995 года.

ГЕРОЙ, ВНУК ГЕРОЯ

Дед Владимира Ласточкина по материнской линии Михаил Семенович Кырчанов был Героем Советского Союза. Родившийся 1 апреля 1959 года в Свердловске, Владимир вырос в атмосфере рассказов деда о Великой Отечественной войне и ее солдатах.

— Володя очень уважал дедушку, — рассказывает мама Ласточкина Римма Михайлов-